

ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
доктора психологических наук Соколовой Елены Евгеньевны
на тему: «Становление и пути развития психологии деятельности
(школа А.Н. Леонтьева)»
по специальности 19.00.01 – «Общая психология, психология личности,
история психологии»

Бывает так, что методология – затянувшиеся роды теории. Рецензируемая работа – иного рода. Теория деятельности в психологии родилась давно, век назад, и сегодня мы прослеживаем историю ее рождения, чтобы понять, что она представляет собой «здесь и теперь». В работе Елены Евгеньевны Соколовой производится долгожданная целостная теоретическая реконструкция школы Леонтьева, сотворившей теорию, как результат усилий многих исследователей, включая усилия и самого автора.

Диссертант, имея дело с историей науки, – не летописец, а истинный теоретик, ставящий перед собой задачу глубинной интерпретации категорий, подходов, феноменов, характеризующих своеобразие и значение леонтьевской школы в ее динамике. Не случайно, в отличие от многих соискателей на получение всевозможных степеней, авторы которых ограничиваются во введении краткими указаниями на методологические основания исследования, Е. Е. Соколова *начинает* свой труд с разъяснения личной позиции по поводу будущего объекта исследования. Пожалуй, ни разу еще в практике оппонирования я не встречал столь нетрадиционного способа построения работы, и этот композиционный «ход», я думаю, глубоко оправдан.

Уже *в первой главе* автор вовлекает читателя в остро дискутируемые методологические проблемы психологии, и при том не только психологии. Самостоятельное значение имеет осуществленная соискателем рефлексия современной методологической ситуации в науке в целом, в контексте «методологического поворота» исторических наук от позитивизма к постмодернизму (а в XXI веке и к «постпостмодернизму»). Автор при этом проделывает то, что также кто редко делает: прорабатывает тезаурус, раскрывая значение используемых терминов.

Во *второй главе* рассматриваются, начиная с биографии создателей культурно-деятельностной психологии, предпосылки психологии деятельности в ранних исследованиях А. Н. Леонтьева, включая его работу по развитию принципов и положений культурно-исторического подхода Л. С. Выготского. Среди них: антиинтроспективное понимание сознания; рассмотрение трудовой деятельности как системообразующего фактора жизни человека; учение об интериоризации не только и не столько знака (как психологического орудия), сколько знаковой операции в целом; рассмотрение психики в ее развитии и экспериментально-генетический метод ее исследования; учение о системном строении психической жизни человека; изменения в школе взглядов на соотношение двух линий психического развития ребенка (натуральной и культурной) и др.

В данной главе диссертации анализируется также содержание используемых Выготским понятий «роль», «амплуа», «драма» по отношению к психическим функциям в связи с решением им проблемы единицы анализа психологии человека. Отмечается, что не переживание как таковое, а именно конкретная драма выступала той самой «клеточкой», которая несла в себе в противоречивом единстве все основные составляющие этой психологии и которая затем стала впоследствии обсуждаться в работах А. Н. Леонтьева и его школы, посвященных психологии личности, под именем поступка.

При этом автор диссертации резонно отмечает тот исторический факт, что, откликаясь на вызов Выготского диалектически снять дуализм спиритуализма и механицизма, преодолеть картезианство, Леонтьев обратился к категории субстанции. Удалось ли Выготскому и Леонтьеву справиться с этой задачей – об этом идет речь в данной главе и других главах работы.

Идея Выготского, к которой возвращает читателя автор, состояла в том, что психика, как бы ни противоречило это обыденным и нашим взглядам, тогдашним и сегодняшним, не сводится к функции мозга, «сознание не является просто функцией сложноорганизованной материи, а являет собой свойство высокоорганизованной жизни», в дальнейшем об этом будет сказано, что «за сознанием открывается жизнь». Здесь же и понимание Л. С. Выготским психического как своеобразного «искажения» действительности в пользу

организма, особенности которого следует объяснять образом жизни субъекта в его мире; и в психологии деятельности, со временем, будет сказано о «пристрастном» характере отражения мира.

Третья глава посвящена подробной реконструкции и анализу многочисленных теоретических, экспериментальных и прикладных исследований, проведенных в Харьковской школе в 1930-е гг., в соответствии с периодизацией ее истории, данной в одной из работ А. Н. Леонтьева.

В историко-психологическом плане рассматривается множество ключевых моментов к пониманию перехода от «пункта В» к пункту «Л» – от культурно-исторической психологии Выготского к деятельностной психологии Леонтьева и, в каком-то смысле, – возвратно-поступательное движение. Скажем, на материале усвоения школьниками закона Архимеда П. И. Зинченко экспериментально опровергает точку зрения Л. С. Выготского на генез житейских и научных понятий, но в то же время К. Е. Хоменко выступает с предложением использовать методику Л. С. Выготского – Л. С. Сахарова для диагностики происходящего в процессе усвоения научных понятий. Приводятся и другие примеры взаимосвязи подходов.

Богата эта глава также освещением теоретических открытий в рамках новой методологии, подтверждающих ее эвристичность. Тут и критика постулата непосредственности в психологии, и ответ на вопрос о соотношении «образа» и «процесса», и соотношение внешней и внутренней деятельности, и различение «вертикальной» структуры деятельности, включающей ее мотивационно-смысловой и операционально-технический уровни, и – «горизонтального» измерения, где выделяются «ориентировочная» и «исполнительная» составляющие. Сегодня это, может быть, общеизвестно, но главное: мы теперь видим, в каких дебатах все это рождалось!

В четвертой главе рассматривается развитие психологии деятельности в контексте дискуссий школы А. Н. Леонтьева с ее внешним оппонентным кругом (1940–1950-е гг.).

Прежде всего это дискуссии между главами Школ – Леонтьевым и Рубинштейном. Фундаментальным (Леонтьев бы сказал *капитальным*) различием между подходами было *существенно разное* понимание природы психики в ее соотношении с деятельностью. Для Леонтьева и его

последователей деятельность есть особая субстанция, порождающая свои функциональные органы, в том числе психику. И поэтому психика не находится «в единстве с деятельностью» и/или не «выявляется в деятельности», как это утверждали С. Л. Рубинштейн и представители его школы; ведь целое, я бы сказал, не находится в единстве с какой-либо из его частей. Психика, по Леонтьеву, есть сама деятельность, взятая в определенной функции, а именно – тут внимание! – в функции «полагания субъекта в предметной действительности и ее преобразования в форму субъективности».

Пятая глава посвящена развернутому анализу дискуссий внутри Школы. Выделены и проанализированы дискуссии между А. Н. Леонтьевым и П. Я. Гальпериным: (1) по поводу соотношения психики и деятельности (является ли психика формой или функцией последней); (2) по формулировкам критериев психического; (3) по проблеме соотношения мотивационной обусловленности и операционального состава психической деятельности.

В шестой главе рассматриваются пути развития идей школы А. Н. Леонтьева в общей психологии (вторая половина 1980-х годов – настоящее время). Автором диссертации предлагается основанное на развитии идей психологии деятельности непротиворечивое решение проблемы объекта и предмета психологии, соответствующее «духу» деятельностного подхода в варианте А. Н. Леонтьева. Прослеживается также сходство в решении проблемы предмета психологии в школе А. Н. Леонтьева и школе С. Л. Рубинштейна при всех различиях в понимании ими природы психической реальности.

Обсуждение возможностей развития психологии деятельности в других отраслях психологии (а именно в зоопсихологии и сравнительной психологии, с одной стороны, и в исторической психологии личности, с другой) продолжено во втором томе диссертации – в весьма содержательных и обширных **Приложениях**.

Автор диссертации ограничил себя указанными областями реализации деятельностного подхода, оставив читателю счастливую возможность самостоятельно оценить потенциал психологической теории деятельности А. Н. Леонтьева при обсуждении проблем в других областях психологии.

Например, – в социальной психологии (могу свидетельствовать, что Леонтьев особо подчеркивал, что «теория деятельностного опосредования» А. В. Петровского – это есть теория деятельности применительно к психологии групп и коллективов). Кроме того, я бы взялся утверждать как практикующий психолог, что общепсихологическая теория деятельности весьма эвристична в условиях психотерапии и психологического консультирования. Перспективы теории деятельности неимоверно богаты, но ведь нельзя объять необъятное!

Рассмотрим наиболее важные, впечатляющие, результаты и главные тематизмы работы.

1. Преемственность взглядов Леонтьева и Выготского. Общность философского ядра разработок. Это общая для обоих идея субстанции как источника понимания психического. Необходимость «оживить спинозизм» как установка Выготского – неявное основание общепсихологической теории. Должен сказать, что в историко-психологических сочинениях не всегда есть теоретическая гипотеза, да еще столь нетривиальная, и даже кажущаяся весьма спорной. Но автор формулирует эту гипотезу и последовательно защищает ее.

2. Понимание деятельности как субстанции. Настаивать на этой идее – смелый выбор. Стремление Леонтьева вслед за Выготским порвать с картезианством – это стремление вполне понятно. Монизм в любой форме – часть «генетического кода» российских исследователей, может быть, и не всех, но многих, включая автора этих слов. Может быть, поэтому я столь придирчив к оценке Спинозы-психолога как мониста. И в этом пункте, по моему, есть проблема.

Замечено, что в работах самого А. Н. Леонтьева, фактически, нет ссылок на самого Спинозу (это так?). Один из исследователей, А. В. Сурмава, пишет, что Леонтьев «умудрился» ни разу не сослаться на Спинозу. В диссертации это объясняется, во-первых, тем, что Леонтьев «снял» Спинозу, ступив на стезю марксизма, и что поэтому задача “оживить спинозизм в марксистской психологии”, весьма актуальная для Выготского, для Леонтьева не стояла. А во-вторых, отмечается, что А. Н. Леонтьеву «пришлось жить в таких хронотопах, где постоянно необходимо контролировать то, что говоришь и пишешь». Верно!

Но, я думаю, такова только часть истины. Субстанция Спинозы вечна и всеохватна, она бесконечна (ее атрибуты бесконечны «в своем роде»), она едина и единственна, порядок и связь ее модусов предопределена Богом. Всё это в высшей степени трудно «вместить» в психологическую категорию деятельности. А Леонтьев – человек, мыслящий строго, и его контроль над словом имеет не только социальные, но и логические основания.

Хвала автору диссертации: в этом вопросе Е. Е. Соколова проявляет должную осмотрительность, используя, применительно к деятельности, словосочетание «*особая субстанция*». Правда, мне кажется, здесь требовался бы дополнительный анализ непростого соотношения между категорией «*божественной субстанции*» у Спинозы и «*особой субстанцией*» в психологии деятельности. Отмечу, что, может быть, неслучайно некоторые из аналитиков восстают против психологизации спинозистского атрибута мышления, настаивая, что о нем нельзя судить по аналогии с нашим собственным мышлением, способностью человеческой души. Сам Спиноза, как известно, предупреждал, что между атрибутом мышления и конечным человеческим разумом не больше сходства, чем между небесным знаком Пса и лающим животным.

Вместе с тем прав диссертант, усматривая в спинозизме (в самом духе его философии) идейный исток леонтьевской деятельности. Во всяком случае, смысловые параллели с философией Спинозы, проводимые диссертантом, представляются мне вполне правомерными. Работа Соколовой заставляет погрузиться в Спинозу. Уже поэтому я благодарен автору, – читал то Елену Евгеньевну, то Бенедикта – с одинаковой скоростью.

Я, лично, вижу единственный способ «примирить» деятельность, деятельностный мир, с идеей субстанции. Это – трактовать деятельность, ее субъектный и объектный аспекты, в рамках индивидуального сознания. Не вышагивать «за», не отягощать себя трансцендентным. Пусть *деятельностное* вытеснит за горизонт все ей чуждое. И в самом деле, «жизненный мир» каждого неограниченно простирается в прошлое, настоящее и будущее; нет ничего, что было иным, чем данное человеку «здесь и теперь»! Иногда это переживание вечности и своего всегдашнего присутствия в ней. В стихах у Арсения Тарковского: «Не надо мне числа: я был, и есмь, и буду, / Жизнь –

чудо из чудес, и на колени чуду /Один, как сирота, я сам себя кладу...» Образ такого разнообразного и вместе с тем единосущного мира достраивается, когда мы дочитываем эти стихи до конца¹.

3. *Объект и предмет психологии.* Это различие замечательным образом «сработало» как способ обобщения необозримого материала, накопленного в Школе Леонтьева. Убедительно показано при этом, что в этом контексте представляет собой *объект* психологии, и что есть ее *предмет*: автор обосновал тот взгляд, что объектом психологии является деятельность, а предметом этой науки – психика как функциональный орган внешней и внутренней деятельности. Краткое по форме и как будто бы простое решение, но оно – оригинально, и при том – не «с неба», а из – из истории.

4. *Деятельность и психика.* Известная формула Выготского «за сознанием открывается жизнь» в харьковский период работы с коллегами уточняется Леонтьевым. Деятельность признается субстанцией психики, и, соответственно, психика (в частности, сознание) трактуется как атрибут этой субстанции. В этом плане с экспериментальных позиций рассматривается и мышление как *практическое действие*. Пройдут годы – и обозначится парадигма «восприятия как действия». Не жизнь как таковая, а деятельность как особая ее форма непосредственно определяет собой психику!

¹ И это снилось мне, и это снится мне,
И это мне ещё когда-нибудь приснится,
И повторится всё, и всё довоплотится,
И вам приснится всё, что видел я во сне.

Там, в стороне от нас, от мира в стороне
Волна идёт вослед волне о берег биться,
А на волне звезда, и человек, и птица,
И явь, и сны, и смерть — волна вослед волне.

Не надо мне числа: я был, и есмь, и буду,
Жизнь — чудо из чудес, и на колени чуду
Один, как сирота, я сам себя кладу,
Один, среди зеркал — в ограде отражений
Морей и городов, лучащихся в чаду.
И мать в слезах берёт ребёнка на колени.

(А. Тарковский, 1974)

Однако – вопрос, почему всё-таки «деятельность», а не жизнь в целом? Я думаю, именно потому, что только в деятельности и через деятельность элементы жизни индивида субъективируются, «ощущаются», «осознаются». И это очень хорошо показывает автор диссертации, анализируя работу Школы Леонтьева и, в частности, экспериментальную образующую этих работ. И это, действительно, капитальный результат харьковской Школы!

Потрясающие эксперименты В. И. Аснина и, ранее, других исследователей, проведенных под руководством А. Н. Леонтьева, о светочувствительности кожи! Когда бы не связь между «абиогенным» и «биологически значимым» световым лучом, подаваемым на ладонь, никто бы никогда не почувствовал «легкого ветерка», «прикосновения пера птицы» и «электрического чувства» на ладони. И остается только воскликнуть: «Чего только мы не ощущаем и не знаем о себе, пока это не становится частью или условием нашей деятельности!» Иными словами, позволим себе подчеркнуть, что есть, по-видимому, множество струн флейты, которые пока не звучали. Они, я бы сказал, *пред-деятельностны* и, присутствуя в жизни скрыто, ждут своего часа. Словом, «не вся жизнь», а именно деятельность, как проявление жизни, есть «субстанция» психики! Но существует ли что-то в психике, не ощущаемое, но «пред-ощушаемое» (по аналогией с «предсознательным») – есть особый вопрос, требующий особого времени для рассмотрения.

Рельефно, как важный аргумент в пользу развертки идеи деятельности, в диссертации обозначены разработки харьковской лаборатории, демонстрирующие, что *значения* не сводятся к объективным особенностям вещи, что их нельзя считать «повторением» вещи, «мертвенно-зеркальным отображением» ее. Отмечается переключка с последующими взглядами теоретиков, например, с Гибсоном (воспринимать предмет – это значит видеть, что с ним можно сделать).

А еще – «смыслы», в которых Леонтьев усматривает «субъектно-объектную» реальность и, главное (что звучит и сейчас необычно!), «след» деятельности. Весьма интересен акцент, приходящийся на «след». К сожалению, от подобного понимания в нашем научном сознании и следа не осталось. Смысл («зачем?», «ради чего?») обычно мыслится как что-то *опережающее* деятельность человека. И в этом плане мне хотелось бы

предложить Елене Евгеньевне, если это ее заинтересует, сопоставить леонтьевское понимание смысла с трактовкой смысла у Франкла. Для Франкла смысл всегда уже есть, *предсуществует*, и его остается только найти. А у Леонтьева смысл формируется и раскрывается «след-в-след» в деятельности. В психотерапии – клиенты, а в экспериментах – испытуемые иногда спрашивают, в чем смысл того, что предлагается. Приходится отвечать: «Вы сначала сделайте, и тогда поймете, в чем смысл!» Смысл *не предсуществует* деятельности, а *находится в деятельности*.

5. *Взаимоотношения деятельностно ориентированных психологических школ.* Несколько фокусов рассмотрения этой проблемы: преемственность, но несовпадение взглядов Выготского и Леонтьева; полемика внутри леонтьевской школы; сходство и различия между школами Леонтьева и Рубинштейна.

Показано, что многие положения теории деятельности прямо вытекают из идей Л. С. Выготского культурно-исторического периода его творчества. Вместе с тем, если исходить из имеющихся материалов, можно видеть, что Выготский первоначально встретил предлагаемые Леонтьевым инновации без энтузиазма, хотя и не препятствуя им, бывая в Харькове и зная, что там «творится» («живи и давай жить?»), и только по прошествии времени признал возможность и оправданность объединения двух разошедшихся линий исследования – своей и Леонтьевской. Мне кажется, в духе мышления Выготского, в его стилистике как мыслителя, с внутренним согласием поддерживать идею расхождения и схождения каких-либо линий в развитии чего-либо, идею неравномерности и гетерогенности, комбинаций, если в конечном счете это приводит к целостности.

Животрепещущий интерес для студентов моего поколения – Леонтьев и Гальперин. В частности, взаимоотношения между внешней и внутренней деятельностью, деятельностью «и» психикой. Важную роль в разрешении этого вопроса, как отмечает автор диссертации, сыграл Д. Б. Эльконин. В 1969 году Эльконин писал, что начальное отождествление внутренней умственной деятельности с психической деятельностью, как видно теперь, является методологической ошибкой. Психическая деятельность, согласно Эльконину есть ориентировочная, организующая, управляющая «часть» как

практической, «внешней», так и умственной, «внутренней», деятельности. И в этом пункте кардинальное отличие взглядов, выраженных в зрелой теории деятельности, и взглядов П. Я. Гальперина (что очень отчетливо показано диссертантом).

Я бы пояснил сказанное так: «мысль в действии» – это не «действие мысли», а мысль, становящаяся в деятельности, подобно тому, как «мысль *становится*» в слове, но не только это: а главное – это мысль *как действие*. Ни один бихевиорист, заметим, не скажет о поведении, что мысль есть поведение. Мысль как действие – да! Мысль как поведение – нет!

Но здесь, на мой взгляд, не только вопрос об общности внешней и внутренней деятельности как психической деятельности. Вопрос в том, так ли уж важно, как назвать то и другое. Может быть, это просто спор о словах? Отнюдь нет! Все дело в понимании и различении таких понятий, как деятельность и поведение. *Поведение*, как психологическая категория, означает внешне наблюдаемую активность. Это, по сути, значит, есть *кто-то*, видящий проявления активности со стороны. *Деятельность*, в отличие от поведения, открыта внутреннему наблюдателю, то есть тому, кто ее выполняет – пусть она созерцаема и не полностью, но фрагментами она всегда *перед* наблюдателем, который действует (со стороны *действий* в составе деятельности она открыта полностью). «Деятельность-невидимка» – фикция, нонсенс. И в этом отношении понятно, что внешняя и внутренняя деятельность идентичны. К поведению сказанное не относится. Конечно, можно постараться увидеть себя со стороны, но это не то же самое, что видеть себя непосредственно в действии. Если мы пожелаем совместить эти картины, понадобится децентрироваться, то есть совершить особую процедуру перехода между позициями наблюдения.

Мне кажется, то же относится и к полемике с С. Л. Рубинштейном. Разница – в том, что психика, по Леонтьеву, отнюдь не находится «в единстве с деятельностью» /или/ не «выявляется в деятельности», как это утверждал С.Л. Рубинштейн; повторю еще раз важное определение А. Н. Леонтьева: психика есть сама деятельность, взятая в ее определенной функции, а именно «полагания субъекта в предметной действительности и ее преобразования в форму субъективности». Конечно, очень важно понимать общность

леонтьевской теории с деятельностью психологией Рубинштейна, но не стоит забывать о различиях, так как это не просто разговор о словах, а методологический ориентир познания, фиксирующий разное в предмете исследования.

Итак, соотнося деятельностно-ориентированные Школы в психологии, автор подводит нас к итогам своей критической и позитивной работы: это – снятие дихотомий «внешнего» и «внутреннего», «социального» и «биологического», «отражения» и «конструирования».

6. *История идей и история людей; переплетение историй.* Автор проявляет равный (сбалансированный) интерес к истории идей и истории людей, творивших Школу. Очень интересны описания взаимоотношений между участниками школы: взаимопонимание и критика друг друга. По словам В. П. Зинченко (их цитирует Е. Е. Соколова), «харьковчане представляли собой “неслиянное единство”, поскольку уже в первое десятилетие существования школы возникали, как и должно быть в нормальном научном коллективе, споры по поводу самых фундаментальных проблем психологии». Я думаю, из этого можно понять, сколь продуманными и выверенными были формулировки идей, предлагаемых к обсуждению в своем кругу, и, вместе с тем, насколько рельефна была печать *личности* авторов, запечатленная в них.

Очевидно, был особый резон «переплести» в анализе субъект-объектные и субъект-субъектные отношения в истории Школы. Ведь нам, таким образом, приоткрывается именно *деятельностная* история Школы. Создается впечатление, что автор диссертации, я бы сказал, «проживает собою» то трудное единство «вещной» и «идейной» истории мысли, которое можно назвать субстанцией школы Леонтьева, «живым движением» Школы. «Важен в поэме стиль, отвечающий теме». Так, на историческом материале, Елене Евгеньевне Соколовой удастся фактически «оживить спинозизм» в постижении движущих сил и траектории становления леонтьевской парадигмы.

До сих пор все вопросы и рассуждения оппонента, очарованного масштабом и содержанием диссертации, не имели характера замечаний к

диссертанту. Поэтому их не обязательно рассматривать как повод к тому, что официально именуют «ответом на замечания оппонента».

Далее я хотел бы сделать несколько замечаний (а точнее, предложений), на которые хотелось бы получить ответ. Формулировки – краткие; пояснения к ним чуть более пространные

О субстанции. Существует несколько интерпретаций субстанции. Мне кажется, что полемика по этому поводу в контексте психологии деятельности могла бы быть раскрыта более полно.

О субъекте. Идея субъектности едва лишь затронута. Специально не рассматривается, например, «ведущаяся до сих пор дискуссия о том, кто является субъектом такого действенного мышления (тело, душа, индивидуум, «под разными атрибутами представляемый»)». Но думается, что, отказываясь обсуждать категорию индивидуальной субъектности, мы существенно ограничиваем возможность психологически трактовать деятельность как субстанцию. Ведь спинозистская субстанция, сама по себе, не отделима от Бога, абсолютного субъекта, полагающего свои атрибуты, и если верно, что деятельность человека есть «особая субстанция», то субъектность его должна быть особым образом осмыслена. Согласно Спинозе, «идея и тело, душа и тело, составляют один и тот же индивидуум, представляемый в одном случае под атрибутом мышления, в другом – под атрибутом протяжения». Вопрос в том, как мыслить себе это конкретно? Что, *психологически*, представляет собой человеческий субъект?

О переживании. Это то общее, что составляет общий элемент чувствований, эмоций, усилий, смыслов и, я бы даже сказал, бессмыслиц, фигур невозможного и т. п. «Пере-живание» – это что-то неотделимое от жизни, что-то при ней. Префикс «пере-» – это и «над», и «после», и «сквозь». Может быть, именно «переживание», где всегда едины *что* дано и *как* дано что-либо, и есть то самое искомое общее, что роднит атрибуты индивидуальной деятельности как субстанции? (Альтернативное решение – установка в теории Д. Н. Узнадзе, «принципиально бессознательная» готовность к активности, в единстве ее «моторных» и «перцептивных» проявлений).

О психофизической проблеме. Автор, оспаривая взгляд на Спинозу, высказанный в одной из публикаций оппонента, убеждает в том, что Спиноза – не «параллелист» (как представлялось мне ранее), а «монист». Соглашаясь с этим, я хотел бы заметить в ответ, что в диссертации, при рассмотрении деятельностных импликаций из спинозистской субстанции, совсем не затронута *психофизическая* проблема – «трудная проблема сознания» (Д. Чалмерс). При этом многие страницы работы отданы *психофизиологической* проблеме. Но ведь психофизическая проблема прямо относится к предмету анализа, уже начиная с вопроса о переходе раздражимости в чувствование.

Очевидно, что в момент рождения ребенку открыт мир в его чувственной данности, что представляет собой результат деятельности всех поколений, стоящих за ним и породивших человеческую особь. Но так как чувственная картина мира ребенка не дифференцирована и не полна, то посредством активных действий в дальнейшем он достраивает и доопределяет ее, что подтверждает справедливость деятельностного подхода в трактовке развития. Понимание этого факта не избавляет нас от необходимости понять, как возможно «перво-ощущение», – не *функция* его, а строительный материал («чувственная ткань») субъективного образа мира. И здесь перед нами – не психофизиологическая проблема, о которой идет речь в диссертации, а проблема более высокого ранга. Не считать же «решением» психофизической проблемы объявленный С. Л. Рубинштейном «принцип психофизического единства» (не заключающего в себе ни грана «субстанции», ни толики объяснения, как такое возможно)!

Мой вопрос: видит ли диссертант необходимость в прояснении этого вопроса, или это вопрос выходит за пределы предмета его исследования?

О специфике построения экспериментальных процедур в Школе Леонтьева. Есть, я думаю, что-то, роднящее замыслы экспериментов в Школе Леонтьева: особая интрига, позволяющая получать нетривиальные результаты, «легенда» для испытуемого, отличающаяся от изучаемого аспекта деятельности, парадоксальное несовпадение внешнего плана активности (поведения) и реальной деятельности, осуществляемой испытуемым. Вопрос в том, как своеобразие «экспериментатики» связано с деятельностной трактовкой психики.

Наши замечания – свидетельство несомненной научной значимости диссертации Е. Е. Соколовой. Они нисколько не умаляют общей высокой оценки работы.

Общий итог оценки в соответствии с требованиями Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова.

Актуальность исследования очевидна: необходим поиск альтернативы постмодернизму в науке. Перед нами – состоявшийся опыт такого поиска.

Новизна и теоретическая значимость диссертации бесспорна. Диссертанту удалось обосновать свой взгляд на деятельностную психологию как диалектическую *психологию*. В подтверждение принятой гипотезы (а в работах такого жанра нетривиальные гипотезы – редкость), автор реализовал проект осмысления деятельности как субстанции психики.

Практическая значимость работы – бесспорна. Убежден в том, что многие поколения исследователей и учащихся откроют для себя подлинное значение и смысл Школы психологии деятельности. Перед нами также – замечательная возможность «позиционировать» Российскую психологию в мире, предлагая аутентичное прочтение леонтьевской теории деятельности в ее становлении.

О каждом теоретическом положении работы можно сказать: *«Обосновано историей»*. Если развернуть эту общую оценку, то, конечно, в поле зрения эксперта окажется обширный материал опубликованных и неопубликованных работ участников школы, свидетельства сознания очевидцев в многочисленных интервью, взгляды представителей других школ, продуманная система аргументов в пользу гипотез, высказанных самим автором. В связи с этим **должно** признать, что научные положения, защищаемые в работе глубоко **обоснованы и достоверны**.

Оппонент мог бы мог назвать рецензируемую работу *образцом* докторской диссертации, но проявляет сдержанность: не слишком ли высок образец для будущих соискателей?

Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 19.00.01 – «Общая психология, психология личности, история психологии» (по психологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5

Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Соколова Елена Евгеньевна заслуживает присуждения ученой степени доктора психологических наук по специальности 19.00.01 – «Общая психология, психология личности, история психологии».

Официальный оппонент:

член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, научный руководитель Центра фундаментальной и консультативной персонологии департамента психологии факультета социальных наук ФГАОУ ВО НИУ «Высшая школа экономики»

ПЕТРОВСКИЙ Вадим Артурович

02.06.2021

Контактные данные:

тел. 7 916 632 8453, e-mail: vpetrovsky@hse.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:

19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

Адрес места работы:

101000, г. Москва, Армянский пер., 4, стр. 2

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”», факультет социальных наук, департамент психологии

Тел.: 8 (495) 772-95-90; e-mail: dekpsy@hse.ru

Подпись сотрудника

ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ

В.А. Петровского удостоверяю: